

Первая встреча прошла не слишком гладко, и вскоре настало время официальных съемок. Цинь Аньюй приехал на площадку рано, во время грима невольно задремал, и лишь когда А-Юнь напомнил, что режиссер уже зовет, пришел в себя.

Цинь Аньюй был одет в белую рубашку, поверх которой накинул кремовый вязаный кардиган, и классические бело-синие спортивные штаны — типичный образ старшеклассника. Несмотря на тонкую талию, фигура его не казалась хрупкой.

Едва он появился, по площадке пронесся гул восхищения. Лишь один юноша в светло-голубом худи и кремовых спортивных штанах, не двигаясь, сидел на складном стуле рядом с режиссером и играл в приставку.

— Господин Цинь, первая сцена в классе. Представьте: урок физкультуры, одноклассники разошлись, в пустом классе остался только главный герой. Послеполуденное время, солнечный свет падает на парту, а герой, из-за слабого здоровья, лишь смотрит из окна на спортивную площадку, — объяснил режиссер Ли. — Давайте сделаем дубль, попробуйте поймать настроение.

Солнечный полдень. Свет пробивается сквозь окно, оставляя на полу пятна древесных теней. Юноша сидит на парте, томясь от скуки... лишь изредка бросая взгляд в окно...

— Хорошо. Снято! — режиссер Ли удовлетворенно кивнул и позвал Ци Цина посмотреть.

Ци Цин даже не оторвался от приставки:

— Плохо.

Режиссер Ли проявил терпение и, улыбнувшись, произнес:

— Господин Цинь, извините, давайте еще раз.

Солнечный свет сквозь листву, дробные тени, легкий ветерок коснулся лица юноши, и тот слегка повернул голову...

— Снято! — режиссер Ли посмотрел на Ци Цина. — Ну как?

— Плохо.

Режиссер Ли снова натянул улыбку:

— Прошу прощения! Господин Цинь, давайте еще один дубль.

Цинь Аньюй кивнул, настраиваясь на нужный лад.

Солнце. Парта. Класс. Взгляд...

— Снято! — режиссер Ли уже с трудом выдавливал из себя улыбку и повернулся к Ци Цину: — А в этот раз?

— Плохо, — покачал головой Ци Цин. — Продолжаем.

Режиссера Ли бросило в пот:

— Ну... господин Цинь, давайте попробуем еще раз, как вы на это смотрите?

— У меня нет проблем, — ответил Цинь Аньюй.

Солнце... класс...

— Снято!

Тени деревьев...

— Снято!

— Плохо.

Пятна света...

— Плохо.

— Продолжаем.

— Господин Цинь, еще один дубль, пожалуйста!

...

Режиссер Ли уже задыхался и вытирал пот — из десятка дублей ни один не устроил маленького господина. Самое поразительное, что тот даже не смотрел, просто открывал рот и говорил, что все плохо. Неизвестно, кто его так разозлил.

— Что именно плохо? — осторожно поинтересовался режиссер.

Ци Цин ответил холодно:

— Главный герой плох.

Режиссер Ли глубоко вздохнул, атмосфера снова опустилась до точки замерзания.

На этот раз заговорил Цинь Аньюй:

— В каком именно аспекте?

Юноша смотрел на него с нескрываемым раздражением, его красивые круглые глаза впились в собеседника.

— Ты что, не расслышал? Я сказал, что ты плох. Ты не подходишь, — по слогам повторил юноша.

— В чем именно я не подхожу? — спросил Цинь Аньйюй.

Юноша выглядел рассерженным, его брови нахмурились еще сильнее:

— Всем! Ничем не подходишь!

Обстановка накалилась, и в конце концов режиссер Ли решил вмешаться:

— Господин Цинь, отдохните пока, попейте воды, поправьте грим.

— Хорошо, — Цинь Аньйюй отвел взгляд и поднялся, чтобы уйти.

— Все, давайте сделаем перерыв, постараемся закончить эту сцену до заката.

Ци Цин тоже встал со своего места.

— —

А-Юнь был недоволен:

— Брат, этот Ци Цин не придирается ли? Даже не посмотрел, а сразу — плохо, переснимаем! — он распалялся все больше: — Еще говорит, что ты не подходишь. Да тебя сам режиссер выбрал! Режиссер Ли не сказал, что ты плох! А он... у него замашки избалованного мальчишки, просто невыносимо!

А-Юнь продолжал ворчать, даже когда открыл дверь в комнату отдыха, и самое ужасное — Ци Цин сидел прямо на диване напротив входа. Все слова были сказаны прямо в лицо адресату.

В этот момент сердце А-Юня ушло в пятки.

Зато Ци Цин выглядел мрачнее тучи.

— Брат, отдыхай, — испуганно пробормотал А-Юнь и поспешно выскочил из комнаты.

В помещении остались только Цинь Аньйюй и Ци Цин, сверлящие друг друга взглядами. Цинь Аньйюй только открыл рот, как Ци Цин нанес удар первым:

— Какой еще ангел? Когда за спиной вместе с помощником перемываешь кости, почему не вспоминаешь о своем имидже ангела? Лицемер до мозга костей!

Цинь Аньюй не улыбнулся, лишь холодно ответил:

— Я тебя чем-то задел?

Этот вопрос, казалось, разозлил Ци Цина еще сильнее. Он вскочил, ударив по столу:

— Такой же лицемер, как твоя улыбка! Ты не достоин сниматься в моем клипе!

Цинь Аньюй перестал улыбаться. Ему стало лень притворяться. Он начал шаг за шагом приближаться к Ци Цину.

Ци Цин растерялся. Взгляд Цинь Аньюя полностью изменился: те же персиковые глаза, но теперь в них не было ни капли тепла, лишь холодная отстраненность и пугающая агрессия. Ци Цин почувствовал, что не может пошевелиться, все тело напряглось, как пружина, и он оказался полностью прижат Цинь Аньюем.

Это ангел? Да это же настоящий дьявол!

Цинь Аньюй остановился прямо перед ним. Его слегка сжатые губы снова тронула улыбка — та самая безупречная ангельская улыбка, от которой нельзя было ожидать подвоха. Но в отличие от прежней, в ней чувствовалось давление, подобное лезвию сабли, которое касалось кожи и медленно, методично точило кость...

— Ты... — Ци Цин хотел что-то возразить, но Цинь Аньюй закрыл ему рот рукой.

Цинь Аньюй смотрел на него сверху вниз с легкой насмешкой:

— Для нашего же блага, маленький господин, лучше води себя послушно и сэкономь нам время. Ты меня не любишь? Не беда, я тебя тоже. Закончим пораньше, не будем мозолить друг другу глаза, и будет спокойнее, верно?

— Ммм! — лицо Ци Цина покраснело от возмущения. Он сопротивлялся и пытался ругаться, а когда начал брыкаться, Цинь Аньюй прижал его колено своей рукой, еще больше сокращая дистанцию.

Цинь Аньюй казался худощавым, но сдвинуть его с места было невозможно!

Ци Цин пришел в ярость, ему хотелось осыпать его проклятиями.

Цинь Аньюй все понял, но не дал ему шанса:

— Раз уж я взялся за эту работу, я доведу её до конца. И разрывать контракт не собираюсь. Нравлюсь я тебе или нет, придется потерпеть и смотреть, как я играю. Я буду играть до тех пор, пока ты не останешься доволен. Сейчас я уберу руку, но ругаться нельзя. Кивнешь — отпущу.

Они были так близко, что дыхание обжигало, и Ци Цин, задыхаясь от жара, часто закивал.

Цинь Аньюй остался доволен его видом:

— Хороший мальчик.

Он убрал руку.

Ци Цин тут же вскочил и выпалил:

— Цинь Аньюй! Да пошел ты!

Цинь Аньюй взял свои слова обратно: плохой мальчик.

Он усмехнулся:

— Хорошо. Позже пришли мне адрес, куда тебя послать.

Ци Цин не знал, куда деться от стыда и ярости, он походил на извергающийся вулкан:

— Цинь Аньюй! Ты просто не человек!

Цинь Аньюй улыбнулся и, прежде чем выйти, напоследок одарил его своей идеальной ангельской улыбкой:

— Верно. Ведь я же ангел.

Ци Цин широко открыл глаза. Как в этом мире может существовать такой лицемерный и бесстыдный человек, как Цинь Аньюй!

<http://bllate.org/book/21461/2194658>